

1. В Тбилиси я прожил семь лет, и время от времени уезжал оттуда на море, в Сухуми, где жили мои родители.

Сухумский поезд выезжал из Тбилиси поздним вечером, а в девять утра останавливался на одну минуту у станции Келасури, на южном краю сухумской бухты. Поезд и море разделял пустынный песчаный пляж, и в вагон влетал свежий и густой морской воздух. Все вокруг было залито смягченным близостью моря солнечным светом. Море лежало слева как огромная голубая медуза.

Здесь время от времени приезжали поплавать и понырять уставшие от суеты городских пляжей компании.

Однажды летом, нырнув, я заметил горлышко глиняного сосуда, может быть, амфоры, торчавшее из песка у самого дна. Тогда мне не хватило воздуха, я поднялся на поверхность, затем снова нырнул, но найти торчавшее из песка горлышко уже не смог...

В удалении, на изгибе береговой линии присутствовала полоса светлых строений. Среди них выделялось выстроенное из желтоватого камня здание театра с гнутой крышей. Виден был уходивший в море большой причал и массивные белые надстройки теплохода с черным брехом на его фоне.

Справа, за станцией, росли тополя. За ними тянулась цепь холмов, предгорий и гор, защищавших бухту от северных ветров.

2. По дороге к вокзалу сухумский поезд останавливался под кипарисами горы Трапезия, на платформе Бараташвили, возвышавшейся над Ботаническим садом.

Отсюда я шел в сторону дома по просторной, с кустами олеандра и пальмами улице, вдоль фасадов домов, построенных в конце XIX — начале XX века с намерением воссоздать атмосферу Ниццы. Улица вела к приморскому бульвару.

Море синело за колоннами ложноклассического портика.

Квартира, в которой жили мои родители, находилась на третьем этаже дома, выходящего торцом на площадь перед большим причалом. С нашего балкона видны были Рыбный переулок, здание пожарной команды и Сухумская гора с телевышкой.

Из окна в комнате, где я спал, виден был уходивший в море причал, у которого швартовались плававшие по Черному морю теплоходы и катера на подводных крыльях. Теплоходы курсировали между Батуми и Одессой, откуда наша семья переехала в Грузию вскоре после окончания войны.

На юге, за морем лежала Турция.

3. Однажды зимой я выехал из Тбилиси на поезде, следовавшем в Ростов. Этот поезд не останавливался в центре города, и я оказался на перроне городского вокзала в пять часов утра.

Было темно и сыро. Ночью прошел дождь, и ампириное здание вокзала, выстроенного в пятидесятых годах, напомина-

ГРЕЧЕСКИЙ
СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

#192

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elsuhum@yahoo.com

ЗАБЫТЫЙ СЕБАСТОПОЛИС

ДАЧИ НА ЧЕРНЯВСКОЙ ГОРЕ

АВТОР СТАТЬИ: ИГОРЬ ГЕЛЫБСКИЙ

ло собрание дольменов в расположенном в ближних горах селе Верхние Эшеры.

Я вышел на шоссе, троллейбусы еще не ходили, и остановил проезжавший по шоссе «Москвич» послевоенного выпуска. За рулем сидел усатый горбун. Он сразу же начал расспрашивать меня о том, откуда я приехал, чем занимаюсь и т.д. Мне он не понравился и, попросив его отвезти меня к Морвокзалу, я решил просто молчать.

Когда мы доехали до темной площади перед причалом, он спросил:
— А теперь куда?
— К въезду на причал, к воротам, — ответил я.
— А там что? — спросил горбун с легкой иронией в голосе.
— Там меня ждет подводная лодка, — сказал я.

Сообщение о подводной лодке горбуна насторожило. В глазах его блеснуло недоверие. Говорил ли я правду? И зачем? Или лгал?

Когда машина остановилась, я вылез и протянул горбуну последний рубль. Затем я пошел по уходившему во тьму причалу. Пройдя несколько шагов, я обернулся. Видны были ноч-

ные, редкие огни на темных, сбегавших к морю холмах. Темное дыхание моря ограничивали фонари пустой набережной. Горбун следил за мной с площади, из окна «Москвича». Глаза наши встретились, двигатель взревел и «Москвич» уехал во тьму.

В конце причала, завершая узкие одноэтажные строения багажных складов, светилась над подобием капитанского мостика вертикальная неоновая стрела. Пахло солью и ржавчиной, висели на цепях огромные резиновые шины, смягчавшие удары швартующихся у причала пароходов.

С края причала город и набережная с горящими огнями напоминали тускло освещенный пустой театральный зал со сценой с оставшимися от последнего спектакля декорациями...

4. Той ночью над морем висел туман. На дне бухты лежал город, основанный греками из Милета за двадцать семь столетий до нас на сухом песчаном берегу между устьями двух рек, лиманами и болотами.

Правитель Каппадокии Флавий Арриан, инспектировавший римские владения на побережье Черного моря в 137 году новой эры, писал:

«Себастополис ... прежде назывался Диоскурией и ...представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт...»

Посетил Флавий Арриан и место погребения Апсирта, брата Медеи. Вначале она убила своего брата, позднее она умертвила своих детей, дабы отомстить своему мужу Язону. То были темные, жестокие берега.

От нашествий с севера Диоскурию защищал построенный в горах Цибилиум, известный по описаниям воин

Хозроя с Юстинианом. Располагалась крепость на двух соседних холмах над обрывом и протекающей далеко внизу рекой Кодор. С холмов видны горы Северного Кавказа ...

Силы, погубившие Себастополис, скрывались, однако, в подземных и морских глубинах. Оползень увлек под воду причалы, склады, дома, крепостные стены, храм, кладбище и все остальные строения города.

Со временем на смену Севастополю пришел средневековый Цхум в составе Грузинского царства...

Предание рассказывает о том, как по окончании строительства одного из храмов Западной Грузии князь попросил зодчего подняться на вершину купола и проверить, надежно ли установлен крест.

Когда зодчий оказался на крыше храма, князь отдал приказ унести лестницу, по которой поднялся мастер, и выставить заграждение на единственной тропе, что вела к сооруженному над обрывом храму.

Несколько дней и ночей провел обреченный человек на крыше храма, вглядываясь в окружающие его горы, после чего бросился с крыши в обрыв...

Вслед за греками и римлянами приходили сюда по морю византийцы и генуэзцы, а после падения Константинополя — турки. В 1578 году они захватили город и назвали его Сухум-Кале.

Абхазия пребывала под властью турок почти два столетия. Русский военно-морской десант взял крепость Сухум-кале в 1810 году.

5. Зимой, по утрам всходило над холмами бурое солнце, и его свет, бледневший по мере того как оно поднималось над морем, приоткрывал тона домов

и крыш. Вечнозеленые кроны и поднимающийся к небесам голубой дым объединяли архитектурно-строительный текст, составленный из фрагментов русского модерна, конструктивизма, сталинского ампира и местного самостроя. На площади перед причалом располагался Морвокзал, магазины и несколько питейных заведений.

В сотне метров от большого причала выходил в море причал ресторана «Амра», что означает по-абхазски «солнце», с яхт-клубом на его оконечности. Вытянутое белое строение ресторана с его обширными окнами доходило до середины причала, а далее располагался яхт-клуб с его подъемным краном, лодками и яхтами на воде. Иногда яхты поднимали на причал, чтобы очистить их днища от ракушек, проконопатить и перекрасить корпус. Порой, в солнечный день в яхт-клубе латали паруса.

Из кофейни на втором, открытым этаже ресторана открывался вид на город и замыкавший его, составленный из гор амфитеатр. Центральную его часть составляла невысокая, с плоским протяженным плато на вершине, гора Трапезия. Правее возвышались склоны горы Чернявского с телевышкой, кипарисами и голубым павильоном ресторана на вершине. Весной на нее опускалась легкая желтая вуаль, цвела мимоза.

«В начале апреля я приехал в Сухум, — город траура, табака и душистых растительных масел...», — писал О.Мандельштам в 1930 году.

6. По соседству с «Амрой» находился небольшой причал для катеров, курсировавших по маршруту «Город-Пляж». Зимой катера на пляж не ходили, но выезжали в море на часовую морскую прогулку. Прозрачная, свежего, зеленоватого оттенка вода плескалась у ржавых опор причала, обросших окутанной тиной ракушками мидий. Пахло солью, йодом и водорослями.

Против причала для катеров, на изломе бульвара, стояло светлое здание гостиницы «Рица». Построена она была в 1914 году на изломе Николаевского бульвара, названа была «Сан-Ремо» и выглядела как гостиница Лазурного берега того периода.

В январе 1924 года Лев Троцкий отдыхал в Сухуми, и в день похорон Ленина обратился к сухумской толпе с речью о ее балконе. Троцкий часто выезжал на охоту и завязал дружеские отношения с Нестором Лакоба, тогдашним руководителем республики. Завязал он и тесные отношения с одной из местных дам. Сын Троцкого жил в Сухуми и в мою пору.

Иногда старики на «Амре» пускались в обсуждение событий, связанных с отъездом Троцкого в эмиграцию на теплоходе «Ильич» в 1929 г. На пути в Турцию теплоход сделал остановку в Сухуми.

7. В 1878 году большинство зданий на набережной было разрушено бомбардировкой с кораблей турецкой эскадры.

Возрождавшийся после окончания войны Сухум строился по образу и подобию французской Ниццы, и двинулся с набережной в сторону горы Трапезия и горы Чернявского, названной

1950-Е — СУХУМСКАЯ (ЧЕРНЯВСКАЯ) ГОРА

ПЛАТФОРМА БАРАТАШВИЛИ

ДАЧА ДУНДЕРА

по имени натуралиста, построившего первый дом на ее склоне.

На полпути к вершине горы Чернявского стоит двухэтажный особняк в мавританском стиле с наблюдательной башней. К верхней, увенчанной куполом площадке башни ведут узкие пролеты мраморной лестницы. Внизу лежит, подремывающая, сухумская бухта.

Последним хозяином особняка был французский негодник Иоаким Алоизи. Приехавший из Киева негодник приобрел особняк у генеральши де Симон, вдовы начальника Сухумского военного округа Кутаисской губернии. Продав дом, генеральша уехала жить в свое имение в горной Цебельде, славившейся замечательным воздухом.

Новый хозяин особняка Иоаким Алоизи занимался разведением табака и шелковичного червя. Он же построил первое в городе здание театра на набережной.

По соседству с «домом Алоизи» располагались дома, названия которых, сохранили аромат ушедшей жизни: «вилла полковника Аверкиева», «дача доктора Кошко», «дом профессора Руссо», «дом инженера Даля» и обширное, светлое строение виллы «Сhemia», что по-грузински означает «моя».

8. Чуть выше «дома Алоизи» располагался длинный, двухэтажный дом, построенный Чернявским в 1913 году на средства Московского географического общества с протянувшейся вдоль всего фасада открытой верандой.

С веранды дома Чернявского открывался вид на залив, соседние дома и на расположенный ниже, на подступах к горе дом «английской миссии». Во втором этаже дома Чернявского жила старая учительница физики, выпускница Сорбонны, Светлана Алексеевна Солтыш. Свой предмет она преподавала еще со времен «Физики» Краевича.

Каждое лето Светлана Алексеевна вывозила детей в Цебельду с ее целительным горным воздухом. Возможно, что на эти поездки ее вдохновляло и то, что в конце XIX века жил в долине и профессор физики Краевич, по учебнику которого она преподавала физику.

Профессор и его брат, врач-эпидемиолог, стали владельцами земель в Цебельде вскоре после окончания русско-турецкой войны, когда долину поки-

нули поддерживавшие турок абхазы. Одно из сел в долине до сих пор называется Краевичи. Со временем «Краевичами» стали назвать и развалины древней крепости на двух холмах.

Дочь Светланы Алексеевны, Ариадна Филиппаки, стала преподавателем музыки. Сын, Рюрик Филиппаки, отец восьми дочерей, был врач. Ему хотелось иметь сына, и он разводился с очередной женой сразу после рождения дочери.

Одну из его последних жен звали Аргита, что означает «серебряная» на греческом. Аргита преподавала музыку и покинула доктора не родив ему ни сына, ни дочери. Доктор же требовал вернуть ему дорогие, заработанные в поте лица, свадебные подарки.

В доме по соседству со Светланой Алексеевной жил инженер, сын последнего предводителя дворянства, Лев Ипполитович Шотт. В зимнюю пору в доме у Шоттов устраивались музыкальные вечера. Неподдалеку, в светлом строении бывшей Горской школы располагалась музыкальная школа.

9. Мой университетский товарищ Михаил Чинчарадзе, которого в Сухуми называли Карась, а в Тбилиси — Миха, жил неподалеку от дома Чернявского, на Горийской, в двухэтажном недостроенном доме на склоне горы.

Худой, с пронизательными серыми глазами под хорошо вылепленным лбом, упрямыми твердыми губами и остатками светлой шевелюры, он выделялся среди других обитателей горы раскованностью движений и непринужденной, естественной пластичностью жестов.

Его отец был членом местного правительства и после окончания войны приезжал домой на трофейном «Хорьхе». В конце сороковых годов он был арестован и умер в тюрьме. Его мать была родом с Юга России, откуда по Черному морю, на пароходах приезжали в Сухуми время от времени сорвавшиеся с насиженных мест семьи в надежде пересидеть в тихом городке у моря тяжелые послереволюционные времена.

Карасю было лет восемнадцать, когда врачи обнаружили у него процесс в легких. Его оперировали в Сухуми. Позднее он лечился на горном курорте в Абастумани, вблизи границы с Турцией. Он расска-

зывал о тишине, усыпанном звездами ночном прозрачном небе, обсерватории и цесаревиче Георгии, для которого Абастумани оказался последним прибежищем.

В университете он изучал математику, интересовался языками и историей, был о многом наслышан и считал себя последователем писателя, математика и философа Кондорсе. Однажды он процитировал фразу, обнаруженную им в сочинениях этого философа и моралиста: «Варварство турок в значительной мере обусловлено моральным отупением прекрасных грузин».

Позднее он бросил учебу в Тбилиси и уехал оттуда домой, в Сухуми. Это был человек с обостренным чувством независимости, порой агрессивный. Иногда он звучал умиротворенно: «В спорах истина не рождается, в спорах она умирает».

В Сухуми он зарабатывал на жизнь чеканкой, которую сдавал в Салон. Чеканил он по меди, на которую предварительно наносил рисунки. Обычно то были копии со старых грузинских миниатюр. Он любил грузинское многоголосие и иногда пускался в рассуждения о «криманчули», что на грузинском языке обозначает извивающийся верхний голос народных песен Западной Грузии. Иногда, впрочем, он мог высказаться в поддержку мнения о том, что «мингрельцы — дети дьявола», оправдывая свое заключение тем, что эти уроженцы Западной Грузии не гнушались занятий работоторговлей в период турецкого владычества.

Карась научил меня ловить рыбу на «сторожок», нырять за мидиями с лодки в тени большого причала, срезать раковины с опор, вскрывать их ножом и, обрызгав тельце мидии соком лимона или уксусом, есть его сырым.

Иногда, в солнечный день он выходил на узкий балкон и смотрел на залив, город и близлежащую гору Баграта. Он умел вялить рыбу и любил пить вино, глядя на залив.

По голубой сферической глади моря терпеливо ползли катера, оставляя за собой медленно исчезающие следы.

Ниже, у подножья горы Чернявского стояло трехэтажное, светлое с желтизной здание «английской миссии», выстроенное в стиле особняков Юга Франции, с лестницами, светлыми гори-

зонталями лепных карнизов, множеством жалюзи, медными и латунными кранами и ручками дверных звонков...

По утрам во двор «английской миссии» слетались голуби. Их подкармливала одна из многочисленных жилищ дома, поделенного на множество квартир.

Когда-то в этом доме жили сотрудники и служащие Англо-Индийской телеграфной линии, протянувшейся через Европу, Кавказ и Персию в 80 годах XIX века.

10. «Сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительна до бешенства и отчаяния...», — писал Чехов в письме своему издателю. В июле 1888 года писатель приехал в бывший Сухум-кале и остановился в номере на втором этаже пансиона «Франция» на Николаевской в ту пору набережной.

На следующий день он направился на прием к известному легочнику, московскому профессору Остроумову, основавшему первую в городе больницу.

Остроумов считал, что период с сентября по июнь — наилучшее время для жизни в Сухуме с климатолечебными целями. Жил он в доме с мраморной парадной лестницей на склоне горы Трапедия, против Ботанического сада, разбитого при генерале Раевском.

У подножия горы растут магнолии с белыми, чуть зеленоватыми мясистыми цветами. Запах магнолий смешан с ароматом кипарисовой хвои и горьким привкусом камфары. Неподдалеку от дома Остроумова стоит выстроенный у подножия горы особняк в мавританском стиле. В начале двадцатого века особняк принадлежал Дундере. Светлый, стоящий в глубине сада особняк велик и обширен. К особняку ведет просторная, усаженная олеандрами дорога. Фамилия владельца сохранилась в памяти людей по сию пору, но кто был Дундер, теперь уже никто не знает.

После революции в особняке проживало несколько семейств. Какое-то время там обитала и покинувшая Петербург после октябрьского переворота русская княгиня. Позднее она приняла постриг и ушла в Ново-Афонский монастырь.

Повесть А.П.Чехова «Дуэль», действие которой разворачивается в Сухуми, была опубли-

кована в 1891 году. Начинается она в необычный для русской литературы час:

«Было восемь часов утра — время, когда офицеры, чиновники и приезжие обыкновенно после жаркой, душной ночи купались в море и потом шли в павильон пить кофе или чай».

Вот фрагмент из состоявшегося в павильоне диалога:

«— А я уже восемнадцать лет не был в России, — сказал Самойленко. — Забыл уж, как там. По-моему, великолепно Кавказ и края нет. — У Верещагина есть картина: на дне глубочайшего колодца томятся приговоренные к смерти. Таким вот точно колодцем представляется мне твой великолепный Кавказ...»

— отвечает Лаевский, — чеховский «лишний человек» в его специфической ипостаси «русского на Кавказе».

Упоминание Верещагина, скорее всего, не случайно, — дача художника располагалась на холме в Нижней Эшере, за мысом, на котором построен был маяк.

Не раз упоминается в повести и толстовская «Анна Каренина». Известные по прозе Толстого мотивы — адюльтер, дуэль, поиски смысла жизни, — вплетены в ткань жизни русских людей в маленьком городке на берегу Черного моря. Присутствуют в повести и характерные для описаний «колониальной прозы» детали местного колорита: «голодные турки и ленивые абхазцы», черкесы, татары и армянин-купец... Вот еще одна, относящаяся к абхазцам, зарисовка из повести:

«...видны были по частям то мохнатая шапка и седая борода, то синяя рубаха, то лохмотья от плеч до колен и кинжал поперек живота, то молодое смуглое лицо с черными бровями, такими густыми и резкими, как будто они были написаны углем...»

Заканчивается повесть описанием осеннего, беспокойного и темного моря.

«Только что пришел какой-то пароход, судя по огням — большой пассажирский... Загремела якорная цепь. От берега по направлению к пароходу быстро двигался красный огонек: это была таможенная лодка... Потом вспыхнул и погас маяк на мысу... Стал накрапывать дождь».